

Финнуала КИРНИ

Финнуала КИРНИ

Ты, я и другие

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К43

Серия «Не только о любви»

Fionnuala Kearney

YOU, ME AND OTHER PEOPLE

Перевод с английского *Н. Казанцевой*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Лебедевой*

Печатается с разрешения литературных агентств
Madeleine Milburn Literary, TV & Film Agency
и The Van Lear Agency LLC.

Кирни, Финнуала.

К43 Ты, я и другие : [роман] / Финнуала Кирни ; [пер. с англ. Н. Казанцевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 384 с. — (Не только о любви).

ISBN 978-5-17-088763-7

В каждом доме есть свой скелет в шкафу... Стоит лишь чуть проткрыть дверцу, и семейные тайны, которые до сих пор оставались в тени, во всей их безжалостной неприглядности проступают на свет, и тогда меняется буквально все...

Близкие люди становятся врагами, а их существование превращается в поединок амбиций, войну обвинений и упреков.

...Узнав об измене мужа, Бет даже не предполагала, что это далеко не последнее шокирующее открытие, которое ей предстоит после двадцати пяти лет совместной жизни. Сумеет ли она теперь думать о будущем, если прошлое приходится непрерывно «переписывать»? Но и Адам, неверный муж, похоже, совсем не рад «свободе» и не представляет, как именно ею воспользоваться...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Fionnuala Kearney, 2015

 Школа перевода В. Баканова, 2016

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-088763-7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пусть говорят, что лучшим чужд порок,
Однако большинству пойдет на пользу
В себе найти изъян.

У. Шекспир. Мера за меру*

Пролог

Мне здесь не место. Я знаю это так же твердо, как свое имя, заученный наизусть номер медицинской страховки, дату и время рождения дочери. Мне здесь не место. Адам Холл... NC100X9T... третье марта тысяча девятьсот девяносто четвертого года, 8 часов 4 минуты утра, Сара-Луиза Холл, кесарево сечение, первый наш с Бет ребенок.

Вот он, тот дом. Здесь не припарковаться, надо ехать дальше. На пассажирском сиденье автомобиля — красиво упакованный подарок. Сегодня день рождения... у одного человека. Я выбирал подарок долго и вдумчиво. Для меня это важно.

В конце узкой улицы я разворачиваюсь и проезжаю мимо парковки. Она в десяти домах от *того* дома. Кто-то выезжает, и мне удастся втиснуть автомобиль на освободившееся место.

Там в разгаре вечеринка, дом украшен гирляндами воздушных шариков. Бросаю взгляд на коробку. Когда я ее заворачивал, то сложил скотч вдвое, так что снаружи линии склейки не видно. Как это делать, меня научила Бет. «Спрячь все следы. Смотри, так гораздо опрятнее». Она права. То, что прячешь, гораздо опрятнее.

---

* Перевод Н. Никитенко.

Открываю окно машины. Из дома доносится громкий смех. Мимо проходит женщина, на плече тяжелая сумка, в руках — небольшой сверток и бутылка вина. Я не имею ни малейшего представления, кто она такая, но женщина шагает быстро, словно опаздывает.

В метре от моей машины, только протяни руку, растет куст жасмина. Вдыхаю опьяняющий аромат, прикрываю глаза. На память приходит цветочный запах маминых духов. Левая рука сжимает рычаг тормоза, — и на ум приходит детская песенка, которую она часто мне пела:

Мишка Тедди, где твой носик? Прикоснись-ка.

Мишка Тедди, где твой хвостик! Развернись-ка.

Развернись-ка.

Я смотрю на подарок. Прикусываю губу.

Мне здесь не место.

Завожу мотор. Больше я сюда не вернусь, никогда. Повторяю это вслух, смотрюсь в зеркало заднего вида и произношу свое обещание четко и медленно.

Уезжая, с нетерпением думаю об ожидающем меня воскресном обеде. Сейчас я приду домой, поцелую жену. Приму душ, смывая безумие сегодняшнего утра, окунусь в милые подробности дорогой мне жизни. И спрячу в самый дальний угол кладовки подарок — искусно завернутый, так, что не видно склеек, — спрячу от людей, которых люблю.

Глава I

Я отвечаю:

— Мой муж — волокита.

Доктор Каролина Гетенберг сидит нога на ногу и делает записи в линованном блокноте.

— Такое изысканное слово для обозначения бабника. Прямо сейчас он трахает официантку.

На языке остается грязный осадок. Мысленно я прошу прощения у всех нормальных официанток, но продолжаю:

— Меня предали. Это очень больно.

Каролина сочувственно кивает. Широкое лицо, золотистые локоны, темные глаза; длинные стройные ноги обтянуты шелковыми колготками. Интересно, сталкивалась ли она с предательством в своей яркой успешной жизни?.. На стенах — множество сертификатов в тонких рамках. Впечатляет.

Похоже, я изучаю ее внимательнее, чем она меня.

— Давайте уточним время следующей встречи, — предлагает доктор.

На моем лбу собираются морщинки. Я ведь разумная женщина. Какого черта я здесь делаю? Что мне нужно от этой ухоженной женщины в этом аккуратном кабинете? Я кошусь на нее и едва сдерживаю приступ паники.

— Это поможет мне лучше вас узнать, — поясняет она. — Кто такая Бет? Что значит для Бет быть Бет? Я бы хотела понять, какая вы и как вы такой стали.

Вдалеке завывает сирена, словно предупреждая меня об угрозе. Я шепчу:

— Я бы тоже.

Смартфон в машине сообщает о трех пропущенных звонках. Один от Джоша, моего агента, и два от Адама. Если бы телефон на самом деле обладал интеллектом, он бы догадался стереть из памяти его номер. Я уже думала об этом, — но удаление Адама из памяти телефона не сотрет его из моей головы. Я подключаю блютуз и перезваниваю Джошу, направляясь к ближайшему супермаркету.

Через двадцать минут выгружаю покупки из корзины на ленту транспортера. Апельсины, тунец, сладкая кукуруза, журнальчики, полуфабрикаты с курицей и две бутылки охлажденного белого вина.

«Как определить, что ваш мужчина неверен?» — вопрошает заголовок на обложке одного из едущих по ленте журналов. Их четыре, все в одном духе. Они успокаивают: ты не одинока, у всех так, измена — дело житейское.

— Карта? — спрашивает меня кассирша, девушка с кофейного цвета кожей и миндалевидными глазами.

— Карта?

— Ну, у вас есть наша накопительная карточка? — Она едва сдерживает зевок. На внутренней стороне запястья кассирши маленькая татушка — инь-ян.

Мне хочется заорать на Карту Инь-Ян. Мне хочется завопить, потребовать, чтобы она не задавала тупые вопросы, спросить, заметила ли она, чему посвящены журналы в моей корзине; сказать ей, если не заметила, что сегодня она не получит ни балла от службы работы с покупателями. Я хочу бросить ей в лицо разные гадкие слова — я их уже придумала. Однако затем я напоминаю себе, что она не старше Мег, моей девятнадцатилетней дочери, и вряд ли знает, каково на вкус предательство. Делаю глубокий вдох. И правда, разве мисс Инь-Ян виновата в том, что мой муж — дерьмо?

Поэтому я просто качаю головой. Нет у меня карточки.

В машине молча считаю до ста, приказав себе не думать, что он в самом деле меня бросил, а я только что провела час в кабинете психотерапевта, желая вернуть остатки разума. Пытаюсь унять трясущиеся руки, даже сажусь на них, затем встряхиваю, включаю зажигание и еду к дому.

У нас прекрасный четырехэтажный дом в престижном пригороде. Это здание в эдвардианском стиле, из красного кирпича, с подлинными окнами-эркерами. Дома на усаженной платанами улочке стоят вплотную один к другому. Четырнадцать лет назад мы купили свой «под капитальный ремонт». Внутренние стены пришлось снести; мы возвели новые — в каком-то смысле это похоже на наш брак. За исключением того, что дом сейчас смотрится как с обложки глянцевого журнала, — а я, половинка того брачного союза, напоминаю фото с надписью «до» из рекламы клиники пластической хирургии.

Под колесами шуршит гравий. Я смотрю на дом, который люблю, и думаю, а не продать ли его и не переехать ли в крошечный домишко в какой-нибудь дыре. Руки уже привычно трут урчащий желудок, и перед глазами встает сцена с официанткой: расплывчатый нечеткий образ. Я не помню, какие у нее волосы — короткие или длинные, светлые или темные, кудрявые или нет. Ей тридцать с хвостиком или сорок? Уж точно не меньше тридцати. Как я выжила, не знаю. А что говорить о Мег? Стремление обожаемого папочки трахать бабу, которая покупает одежду в магазинах для школьниц, — это уже совсем.

Внезапно возникший образ их слившихся тел застает меня врасплох. Она кричит во время секса так же, как я? Он стискивает волосы на ее затылке так же, как на моем?

Катятся слезы. Надо взять себя в руки. Вытираю слезы рукавом, не отводя глаз от сада. Его сада. И довольно быстро прихожу к заключению: это мой дом, не продам! Сначала Адаму придется вынести меня отсюда в гробу.

Сваливаю пакеты с провизией и поднимаюсь на самый верх — здесь я работаю. Студия освещена солнечными лучами; они проникают через три мансард-

ных окна, напротив которых расположено мое рабочее место: экраны, куда компьютерная программа выводит текст и ноты сочиняемых мной песен. Сажусь за стол выполнять задание Каролины. Через минуту готов набросок текста: шесть небрежно написанных строк. Я — воспитанный, послушный, единственный выживший ребенок эксцентричной матери и отца-алкоголика. Кто еще? Я продолжаю, отчаянно надеясь, что доктор Гетенберг знает, зачем все это нужно.

На странице постепенно проявляется мое прошлое. Ребенок, потерявший отца, которого погубила тяга к выпивке. Жена, чей муж уже однажды признавался, что провел ночь с другой. Мать, испытывающая чувство вины из-за того, что одного лишь материнства ей мало.

Два исписанных листа. Вот это — моя жизнь? Это просто повседневная суета!

Поможет ли моя писанина доктору Гетенбергу? Информация о том, что в шесть лет я потеряла брата, которому было три, — неужели это выявит особенности моей личности, о которых я и не подозреваю? Мое стремление писать хорошие песни и обрести успех позволит что-то понять? Джош регулярно заверяет меня, что скоро я взорву мир поп-музыки. Он уверен в этом, а я — нет. Уверена я в одном: мой муж мне врет и изменяет. Замечен в измене как минимум дважды, что позволяет считать его серийным изменником. Именно это, написанное черным по белому, и придется читать доктору Гетенбергу. Именно это перекрывает все остальное.

Раздается звонок мобильного, и сейчас, увидев его номер, я смеюсь. Мой муж искренне полагает, что если звонить не переставая, в один прекрасный день я превращусь в прежнюю милую бесконфликтную женушку. В какой-то мере и я надеюсь, что он прав, по-

скольку теперешняя злость сжирает меня изнутри, жадно чавкая.

Словно подтверждая это, громко урчит желудок. Я спускаюсь по лестнице, мимо фотографий на стенах.

Целый фотоархив... Пальцы задерживаются над снимками. Вот маленькая Мег — как ее хочется потрогать! — а вот мы с Адамом, молодые, смеющиеся. Старое свадебное фото, полное любви и надежды. А вот его щелкнули на барбекю у соседей: Адам позирует, словно модель для журнала, смотрит прямо в объектив, подбородок вздернут. Загорелые длинные ноги в шортах, русые, коротко остриженные волосы, блестящие в ярких лучах летнего солнца.

Еще шаг вниз по лестнице — и я понимаю: спроси меня кто-нибудь еще несколько недель назад, счастливы ли мы, и я уверенно ответила бы: «Да, конечно». Вот какой превосходный лгун мой муж.

В кухне я достаю бокал и наполняю до края холодным совиным. Копаюсь в одном из принесенных пакетов, достаю печеный конвертик с куриной начинкой и медленно жую, смиренно слушая звучащий в голове голос. Он твердит мне, что надо есть. Я не хочу. А вот выпить — это дело. Алкоголь идет по пищеводу вниз, и мне становится хорошо.

Послеполуденное сентябрьское солнце скользит сквозь двойные двери, ведущие в садик за домом. Я расхаживаю по кухне — конвертик в одной руке, бокал в другой — и попадаю в мелькание света и тени. Откусить, запить вином... В промежутке я мычу слова песни, которую написала вчера. На лице возникает слабое подобие улыбки. Словарь пополнился рифмой для слова «ублюдок». «Нелюдок» — подлый гнусный трус. Адам-нелюдок. Улыбка на моем лице становится шире и мешает жевать.

Мне надо работать, и я начинаю подъем по лестнице. Уже на четвертой ступеньке сажусь и замираю без движения. Взгляд — в одной точке, мышцы не хотят сокращаться. Отвечающая за познание часть мозга вне игры. Ноги объявили забастовку, руки словно приклеены к коленям. Меня вновь одолевают вспышки воспоминаний: места, где мы были, песни, которые мы пели, общие радости... Цепенею от страха, что все пойдет по кругу.

Как с этим бороться? Отпустит, если глубоко размеренно дышать? Киваю сама себе. Да, надо просто переждать. Вот наступит следующий месяц, а с ним и придет начало новой жизни. Само собой.

Я сдвигаюсь с места, только когда меня окружает темнота. Иду вниз, включаю свет, достаю из холодильника бутылку вина, несу в гостиную. Городской телефон звонит через тридцать минут, когда я плююсь в плазменный экран огромного телевизора Адама.

— Подите вон! — Сэр Алан, воротила бизнеса, во весь экран наставляет указующий перст на провинившуюся сотрудницу.

— Да, подруга, понимаю тебя, — сочувствую я. — Бет, подите вон!

Я протягиваю бокал с вином в сторону жертвы лорда и поднимаю трубку, уверенная, что в такой час звонить может только Мег.

— Мег?

— Бет, это я...

Это вовсе не Мег, моя замечательная девочка. Это ублюдок, от которого ей досталась половина ДНК, гнусный подлый трус. Как только я слышу его голос, каждая моя клеточка начинает по нему тосковать. Сердце выпрыгивает из груди.

— Как ты? — спрашивает он. — Бет, не бросай трубку. Пожалуйста, давай поговорим.

— Я не хочу с тобой говорить.

Он молчит.

— Ты с ней?

Молчание явно становится виноватым.

— Ты знаешь, что ты нелюдок? — спрашивает выпитое мной вино.

Он вздыхает:

— Да, ты это много раз мне говорила.

— Нет, я много раз говорила тебе, что ты ублюдок, а сейчас говорю, что ты к тому же нелюдок.

Молчание.

Он, вероятно, звонит из кухни: где-то рядом шумит посудомоечная машина. Домашняя идиллия, покой и уют. Как в кино. А он говорит приглушенным голосом, словно не желая, чтобы его услышали.

— Отвали, Адам.

Я швыряю трубку. Смотрю на бутылку. Похоже, во мне просыпаются отцовские гены.

Глава 2

Разрыв соединения. Она повесила трубку. Снова... И она опять меня обругала. Бет знает, до какой степени я ненавижу ее сквернословие. Прошло уже две недели, как мы расстались, а она не может обойтись без ругани.

Через распахнутую дверь кухни я вижу, как Эмма, наклонившись, тянется к нижней полке посудомоечной машины. Обтянутая черным облегающим платьем фигура... У меня начинает кружиться голова: обнаженная Эмма, обнаженная Бет... все смешивается. Я глубоко втягиваю воздух, стараясь дышать размереннее.

— Твой взгляд во мне дырку прожжет. — Эмма оборачивается, смотрит на меня. Задирает подол и стягивает платье через голову. Теперь на ней только

чулки. Трусики нет, одни подвязки и крошечный лифчик. Она делает всего шаг, и меня пронизывает волна возбуждения. Рассудок велит: спасайся, прочь отсюда! Увы, слишком поздно. Будь я честнее, сделал бы это несколько месяцев назад. Поэтому сейчас я отпускаю на волю первобытные инстинкты, которые подсказывают мне взять ее прямо на стильном белом покрытии кухонного пола. Прежде чем я это осознаю, она уже опускается на колени и расстегивает застегжку на брюках. Я зажмуриваюсь. Одной рукой опираюсь на дверной косяк, другой — придерживаю ее голову, мои пальцы впиваются в ее светлые длинные волосы.

В тот миг, когда я только увидел ее, вот тогда проблемы и возникли. Однажды вечером мы с сослуживцами пришли на поздний ужин в ресторан, где она работала. Она начала со мной заигрывать. Подмигивания, улыбочки. Сначала я подумал, мне все мерещится, но Мэтт, мой бизнес-партнер, зажал меня у туалета.

— Не надо, приятель, — сказал он.

— Что не надо?

— Не ведись. Тебе так польстило, что перед тобой крутит задницей эта белобрысая телка, что ты весь вечер прячешь под столом обручальное кольцо.

— Вовсе нет.

— Не будь козлом, Адам. Подумай о Бет.

К тому времени, когда такси везло нас с Эммой к ней домой, мое обручальное кольцо перекочевало в карман. Выбор был сделан. Я думал о Бет — о моей великолепной, верной, талантливой жене, о женщине, которая ежедневно восхищала и радовала меня; о женщине, которую я любил. Даже сейчас. Я *действительно* думал о ней — но как-то урывками.

Из всех женщин на моей памяти Эмма была самой отвязной. На заднем сиденье такси она уселась ко мне

на колени и наманикюренными пальчиками уцепила яйца. В ее руках я ощутил себя слабым, беспомощным. И сейчас, по прошествии нескольких месяцев, я по-прежнему оставался слабым сорокатрехлетним мужчиной, который причинил жене такую боль, что не представляет, как это можно исправить. И поэтому решил просто забить на все и позволить себе радость фантастического, невероятного секса с новой, более молодой любовницей.

Прекрасный сентябрьский вечер. Еще рано, а я уже свободен. Вывожу машину с подземной парковки. Справа, за рекой, колесо обозрения, кабинки с беззаботными туристами. Прежде по пятницам я пересекал реку и ехал домой — после проведенной в городе недели. Восемь месяцев назад мы с Бет решили снять квартиру моего брата Бена на тот год, который он решил провести за границей. Обе стороны остались довольны сделкой. Мы платим за квартиру куда меньше, чем стоит аренда, просто покрываем коммунальные расходы, а Бен спокоен за свое жилье. Мы планировали, что в рабочие дни будем ночевать здесь. Мне не потребуется тратить время на дорогу от дома до работы, а Бет сможет наслаждаться красотами Лондона и писать свои песни. Новая обстановка, новые впечатления — вот что мы планировали.

Сейчас я сворачиваю на восток, направляясь в район доков, к маленькой квартирке на берегу, намереваясь заночевать именно здесь. Я планировал провести ночь без Эммы, дать себе остыть, заказать еду с доставкой, включить спортивный канал и уставиться в телевизор.

Почему же я выезжаю на шоссе и направляю автомобиль в сторону того здания, которое привык называть домом?